

ТЕОРИЯ ЛИТЕРАТУРЫ: АНТОЛОГИЯ, ТОМ IV

Аффективная экономика

Цель: ознакомиться с эссе Сары Ахмед «Аффективная экономика», в частности, рассмотреть понятие «экономика страха» и его функционирование.

Ключевые слова: аффект, страх, ненависть, тело, убежище.

В данной лекции разговор пойдет об эссе Сары Ахмед «Аффективная экономика». Сара Ахмед преподает «Гендер, СМИ и культуру» в колледже Голдсмит. Она является автором книг «Культурная политика эмоций» (2014), «Быть исключенным» (2012), «Обет счастья» (2010).

Свое эссе Сара Ахмед начинает с цитаты. Это опубликованный в 2001 году текст, который она обнаружила на веб-сайте арийских народов: «Глубины Любви укоренены и находятся очень глубоко в душе и духе настоящего белого националиста, нет такой формы «ненависти», которая могла бы сравниться с ней. По крайней мере, точно не ненависть, которая вызвана необоснованными аргументами. Это не ненависть, которая заставляет среднестатистического белого человека с хмурым лицом и отвращением в сердце смотреть на пару смешанной расы. Это не ненависть, которая заставляет белую домохозяйку отбросить с отвращением и гневом ежедневную газету после прочтения еще об одном растлителе подростков или насильнике, приговоренном коррумпированными судами к нескольким коротким годам тюрьмы или условно-досрочно освобожденном. Это не ненависть, которая заставляет белого рабочего проклинать тот день, когда последняя лодка с иностранцами пристала к нашим берегам, чтобы получить работу, предназначенную для белого гражданина, который построил эту землю. Это не ненависть, которая приводит в ярость белого христианского фермера, когда он читает о миллиардах, одолженных или отданных в качестве «помощи» иностранцам, когда он не может получить даже самую маленькую сумму от безжалостного правительства, чтобы спасти свою терпящую убытки ферму. Нет, это не ненависть. Это любовь» (www.uiowa.edu/~policult/politick/smithson/an.htm).

Подобный этому текст заставил Сару Ахмед задуматься над тем, как работают эмоции, чтобы согласовать некоторых субъектов с некоторыми другими субъектами и против всех прочих субъектов? Как эмоции перемещаются между объектами? В своем эссе Сара Ахмед утверждает, что эмоции играют решающую роль в проявлении качеств отдельных и коллективных субъектов посредством циркуляции эмоций между субъектами и символами. Этот тезис бросает вызов любому предположению, что эмоции – это личное дело, что они просто принадлежат индивиду. Существует предположение, что эмоции – это то, что создаёт эффект обнаружения на поверхности или на границах субъектов и миров.

Например, в приведенном тексте с веб-сайта арийских народов роль эмоций, в частности, ненависти и любви, имеет решающее значение для разграничения корпуса отдельных субъектов и структуры нации. Здесь субъект (белый националист, среднестатистический белый мужчина, белая домохозяйка, белый рабочий, белый гражданин и белый христианский фермер) представлен как находящийся под угрозой со стороны воображаемых «других», чья близость угрожает субъекту не только лишением чего-то (рабочие места, безопасность, богатство), но и посягательством на его место. Другими словами, присутствие этих «других» предстает как угроза объекту любви. Повествование включает в себя переписывание истории, в которой труд других (мигрантов) скрыт в фантазии о том, что именно белый субъект «построил эту землю». Белые субъекты претендуют на место хозяев («наши берега»). В то же время, они заявляют о позиции жертвы, как те, кто пострадал от «безжалостного правительства». Таким образом, повествование говорит о том, что именно любовь к нации заставляет белых арийцев ненавидеть тех, кого они признают чужими, как тех, кто разрушает нацию и отнимает роль арийцев в истории и их будущем.

Далее С. Ахмед отмечает, что определение «других» как ненавистных соотносит воображаемый субъект с правами, а воображаемую нацию – с землей. Такое совмещение создается изображением угрозы, под которой находятся как права субъекта, так и территория нации. Это эмоциональное прочтение ненависти направлено на то, чтобы связать воедино воображаемый белый субъект и нацию.

Чувство этого негативного пристрастия к «другим» одновременно переформулируется как позитивное пристрастие к воображаемым субъектам, объединенным повторением знака

«белый». Это любовь к белым или к узнаваемым в качестве белых, что якобы объясняет эту «коллективную» интуитивную реакцию ненависти. «Вместе мы ненавидим, и именно эта ненависть объединяет нас», – подразумевают они.

Так кого ненавидят в этом тексте? Очевидно, что ненависть распределяется среди различных фигур. Эти фигуры воплощают собой угрозу потери: потерянные рабочие места, потерянные деньги, потерянные земли. Они означают опасность нечистоты или смешения. Они угрожают нарушить чистые тела; такие тела можно представить только как чистые благодаря постоянному повторению этой фантазии об их погрании, надругательстве.

Сара Ахмед обращает внимание на работу, выполняемую с помощью этого метонимического плавного перемещения: смешанные расы и иммиграция становятся читаемыми как (например) формы изнасилования или растления: вторжение в тело нации, представленное здесь как уязвимые и поврежденные тела белых женщины и ребенка. Перемещение между фигурами создает отношение сходства между ними: то, что делает их похожими, может быть их «непохожестью» на «нас». В повествовании ненависть не может быть найдена в одной конкретной фигуре, но она работает, чтобы создать очерк разных фигур или объектов ненависти; такое изображение совмещает фигуры и представляет их как «общую» угрозу. Важно отметить, что ненависть не находится в данном субъекте или объекте. «Ненависть экономична; она циркулирует между знаками в отношениях разности и перемещения», – этим выводом Сара Ахмед завершает свой анализ процитированного текста.

Экономика ненависти

В своем эссе она демонстрирует, как срабатывают эмоции, объединяя фигуры, придерживаясь того, что создает эффект коллективного, со ссылкой в качестве примера на фигуры просителя убежища и международного террориста. Экономичная модель эмоций Сары Ахмед предполагает, что, хотя эмоции не находятся определенно в субъекте, однако они работают, чтобы связать субъекты воедино.

Каждый день мы выражаем эмоции. Эмоции становятся собственностью, это то, что принадлежит субъекту или объекту и может иметь форму характеристики или качества. Сара Ахмед оспаривает идею о том, что у человека есть эмоции, и что-то или кто-то заставляет его чувствовать себя определенным образом. Ее интересует, как эмоции вовлекают субъектов и объекты, при этом определенно не пребывая внутри них. Действительно, эмоции могут казаться лишь формой пребывания как реакции на определенную историю. Понятно, что такой подход заимствован из психоанализа, который Отсутствием определенного Пребывания формулирует как «бессознательное». Психоанализ позволяет нам увидеть, что эмоциональность связана с движениями или ассоциациями, посредством которых «чувства» переносят нас на разные уровни смыслов, не все из которых могут быть обнаружены в настоящем. Это то, что Сара Ахмед называет волнообразным эффектом эмоций; они движутся боком, стороной (через «прилипающие» ассоциации между знаками, фигурами и объектами), а также назад (прошлое угнетение всегда оставляет свой след в настоящем, следовательно, «то, что прилипает», также связано с «отсутствующим присутствием» в историческом прошлом).

Поскольку психоанализ является теорией субъекта, отсутствующего в настоящем, он предлагает теорию эмоций как экономику, как отношения разности и смещения без определенной ценности. То есть эмоции работают как форма капитала: аффект не присутствует определенно в знаке или товаре, а создается только в результате его обращения. Сара Ахмед использует термин «экономика», предполагая, что эмоции циркулируют и распространяются как в социальной, так и в психической сфере. Она заимствует положения марксистской критики логики капитала: движение между знаками превращается в аффект. Она предлагает теорию страсти не как стремление к накоплению (будь то ценность, сила или значение), а как стремление к накоплению с течением времени. Аффект не присутствует в объекте или знаке, но влияет на циркуляцию между ними. Увеличение ценности аффекта происходит в результате движения между знаками: чем больше они циркулируют, тем более эмоциональными они становятся, и тем больший аффект они «содержат».

Ее размышления о ненависти как об аффективной экономике показывают, что эмоции определенно не обитают ни в ком и ни в чем, а сам «субъект» – это просто один из узловых пунктов в экономике, а не ее первоисточник и назначение. Чрезвычайно важно понять, что боковое и обратное движение эмоций, таких как ненависть, не содержится в контурах субъекта. Учитывая это, аффективные экономики должны рассматриваться как социальные и материальные, а также психические.

Мы уже видели, как ненависть скользит сквозь разные фигуры и представляет их как «общую угрозу». Но «скользящая» работа эмоций не может позволить нам предполагать произвольную оппозицию между экстремистскими дискурсами и «обычной» работой по воспроизводству нации. В качестве примера мы можем привести речь предыдущего лидера Британской консервативной партии Уильяма Хейга о лицах, ищущих убежища. В период с апреля по июнь 2000 года в обращении находились другие речи, которые стали «прилипать» к речи У. Хейга об «ищущих убежища», они появлялись через некоторый промежуток времени, но в каждой из них наблюдалось повторение некоторых «липких» слов. Использование таких слов, как наводнение и завалы, грязь и сточные воды, которые создают ассоциации между убежищем и потерей контроля; слова работают путем мобилизации страха или беспокойства о том, что они «перегружены» фактической или потенциальной близостью других. Создается устойчивое впечатление, что охарактеризованное место захватывают другие. Слова порождают результаты: они создают впечатления о других как о тех, кто вторгся в пространство нации, угрожая ее существованию.

Уильям Хейг разделяет ищущих людей убежища на подлинных и фиктивных, тех, кто получает право проживания в стране, и тех, кому в этом отказано. Но он не дифференцирует подлинных и фиктивных просителей убежища. Отчасти это позволяет национальному субъекту демонстрировать свою щедрость, предоставляя убежище некоторым «другим». Нация гостеприимна, так как позволяет оставаться подлинным просителям. И в то же время она под видом «фиктивных» создает образ некоторых «других» как априори неприемлемых, ненавистных, чтобы определить пределы или условия этого гостеприимства. Создание фиктивного просителя убежища как фигуры ненависти также включает повествование о неопределенности и кризисе, которые заставляют эту фигуру, этот образ работать дальше. Как мы можем определить разницу между фиктивным и настоящим просителем убежища? Согласно логике этого дискурса, возможно, что мы не сможем разглядеть разницу, и что они могут перейти в наше сообщество. Переход здесь функционирует как технология, которая связывает физическое перемещение с формированием идентичности: для прохождения через пространство требуется прохождение как особого вида субъекта, чье отличие не маркировано и ничем не примечательно. Двойное условие для перехода управляется правом нации и его волей искать признаки различий и тем оправдывать насильственные формы вторжения в тела других.

На самом деле, вероятность того, что мы не сможем объяснить различие, быстро превращается в вероятность того, что любой из этих прибывающих субъектов может быть фиктивным. До их прибытия они, следовательно, считаются причиной нанесения вреда национальному телу. Сара Ахмед ставит следующий вопрос: как предоставление убежища в качестве источника вреда работает через идею близости между фигурами ненависти? Фигура фиктивного искателя убежища может вызывать в воображении образ «пугала», которое преследует нацию и ставит под угрозу ее способность защищать свои границы. «Пугало» может быть где угодно и кем угодно, как призрачная фигура в настоящем, которая формирует кошмары о будущем, как ожидаемое будущее вреда. Такие фигуры ненависти циркулируют и действительно накапливают аффективную ценность именно потому, что у них нет фиксированного референта. Таким образом, фигура фиктивного искателя убежища отделена от конкретных тел: любые прибывающие тела могут быть фиктивными, так что их «бесконечное» пребывание есть ожидание нанесения «вреда». Невозможность уменьшить ненависть к определенному телу позволяет ненависти циркулировать в экономическом смысле, в определении отличий одних ищущих убежища от других, в осуществлении дифференциации, которая никогда не «закончится», поскольку она ожидает других, которые еще не прибыли. Такой дискурс «ожидания фиктивного» оправдывает повторение насилия против тел других.

Мы видим, что эмоция ненависти – это то, чье расположение в теле, объекте или субъекте сложно зафиксировать. Эта неспособность эмоций находиться в теле, объекте или субъектах позволяет эмоциям (вос)производить или генерировать эффекты.

Страх, тела и объекты

Сара Ахмед связывает свою модель эмоций как аффективную экономику, в частности, со страхом и материализацией тел. Примечательно, что страх – это эмоция, которая часто характеризуется как свойственная объекту и, следовательно, не будет работать в экономическом смысле. Ахмед предполагает, что страх связан с «прохождением мимо» объекта. Мы можем, например, считать, что повествование об ищущих убежища работает как повествование о страхе. Страх работает, чтобы создать чувство подавленности: вместо того, чтобы содержаться в объекте, страх усиливается невозможностью сдерживания. Хайдеггер связывает страх с тем, чего еще нет в настоящем, ни в пространственном, ни во временном смысле, нет здесь и сейчас. Страх реагирует на то, что приближается, а не на то, что уже здесь. Именно будущность страха делает возможным то, что объект страха, а не приближение, может пройти мимо нас. Но прохождение мимо объекта страха не означает преодоления страха: скорее, возможность потери объекта, который приближается, делает то, что внушает страх, еще более страшным. Если у страха есть объект, то страх может быть заключен в объект. Когда объект страха грозит пройти мимо, тогда страх больше не может сдерживаться объектом. Страх в его самом отношении к объекту, в самой интенсивности его направленности к этому объекту, усиливается потерей объекта. Мы могли бы охарактеризовать это отсутствие не как отсутствие в настоящем, а как отсутствие вообще, вообще нигде. Или тревога привязывается к конкретным объектам, которые оживают не как причина беспокойства, а как следствие ее перемещения. В тревоге мысли часто быстро движутся между разными объектами, это движение только усиливает чувство тревоги. Человек думает о всё большем количестве «вещей», о которых нужно тревожиться. Другими словами, тревога имеет тенденцию «прилипать» к объектам. Таким образом, тревога сама становится приближением к объектам, в то время как страх производится приближением объекта.

Кроме того, отношение страха к потенциальному исчезновению объекта более глубокое, чем просто отношение к объекту страха. Смещение между объектами работает также, чтобы связать эти объекты вместе. Такие связи не создаются страхом, но, возможно, уже существуют в рамках социального воображения. Если быть более конкретным, боковое перемещение между объектами, которое работает, чтобы соединить объекты вместе как признаки угрозы, формируется несколькими ситуациями. Движение между знаками не имеет своего происхождения в психике, но является следствием того, как ситуации оживают в настоящем.

Мы можем, например, рассмотреть, как язык расизма подкрепляет страх посредством информации о перемещении, и как это происходит через тела. Возьмем следующую цитату из работы «Черная кожа, белые маски» Франца Фанона: «Мое тело вернулось ко мне развалившимся. Искривленный, перекрашенный, одетый в траур в этот белый зимний день. Чернокожий – животное, чернокожий – плохой, чернокожий – подлый, чернокожий – уродлив; смотри, негр, холодно, негр дрожит, потому что ему холодно, маленький мальчик дрожит, потому что боится негра, негр дрожит от холода, холода, который пронизывает ваши кости, симпатичный маленький мальчик дрожит, потому что думает, что негр дрожит от ярости, маленький белый мальчик бросается в объятия матери: мама, негр собирается съесть меня».

Здесь страх ощущается как холод; он заставляет тела дрожать от холода, который движется с поверхности в глубины тела, как холод, «пронизывающий ваши кости». Страх окутывает тела, которые его чувствуют, а потом конструирует эти тела, как окутанные, страх приходит извне и движется внутрь. При столкновении страх не сближает тела вместе: это не общее чувство, страх работает, чтобы разделить белые и черные тела. Белый ребенок неправильно воспринимает дрожь черного тела как ярость и, следовательно, видит в этом «основание» для своего страха. Иными словами, «другое» читается как страшное только из-за неправильного распознавания.

Далее: страшное возвращается черным «другим» как страх перед страхом белого субъекта. Это не означает, что страх исходит от белого тела. Скорее, страх открывает прошлые истории, которые придерживаются настоящего и позволяют белому телу быть сконструированным отдельно от черного тела.

Здесь можно заметить, что страх что-то делает; он восстанавливает расстояние между телами, разница которых считывается с поверхности, как показание, которое создает поверхность (другой цвет кожи). Но здесь ясно, что объектом страха остается черный человек, который приходит к ощущению страха как своего собственного, как угрозы его существованию. Страх не исходит из субъекта и не находится в его объекте: мы не боимся других, потому что они внушают страх. Через циркуляцию признаков страха черный «становится» страшным. Здесь страх оказывается заключенным в тело, которое отныне становится объектом страха. Действительно, кажущийся страх белого ребенка ведет не к сдерживанию, а к расширению; объятия, в которые он бросается, как бы восстанавливают ощущение нахождения дома (объятие матери как «возвращение домой»). Черный субъект, тот, кто боится «воздействия» страха белого ребенка, раздавлен этим страхом, запечатанном в теле, которое старается занять меньше места (словно для того, чтобы уменьшить производимый им страх). Другими словами, страх работает, чтобы ограничить через движение некоторые тела или расширить другие.

Но это сдерживание является следствием движения между знаками, а также между телами. Такое движение зависит от прошлых ассоциативных историй: чернокожих, животных, плохих, подлых, уродливых. Другими словами, это движение страха между знаками позволяет создать объект страха в настоящем. Движение между знаками – это то, что позволяет другим приписывать эмоциональную оценку, в данном случае, как зловещего, и отношение, зависящее от истории, которая «прилипает» и не нуждается в высказывании. Сдерживание условно: поскольку черный человек является объектом страха, пусть он пройдет мимо. В самом деле, телесность его «прохождения мимо» может быть связана с прохождением страха между знаками: именно это движение усиливает аффект.

Черный человек становится еще более опасным, если проходит мимо: тогда его близость представляется как возможность будущего нанесения вреда. Таким образом, экономика страха работает, чтобы сдерживать тела других, сдерживание, «успех» которого зависит от его провала, должно держать открытыми все основания страха. В этом смысле страх действует как аффективная экономика, несмотря на то, что она кажется направленной на объект. Страх не находится в определенном объекте или знаке, и именно это отсутствие местонахождения позволяет страху плавно перемещаться по знакам и между телами. Это перемещение задерживается только временно, в самой привязанности знака к телу, посредством чего знак «прилипает» к телу, составляя его как объект страха, окружая его страхом, который становится его собственным.

Вопросы для закрепления темы:

1. Почему аффективные экономики должны рассматриваться как социальные и материальные явления?
2. Как эмоции могут создавать ситуацию? Как страх может ограничивать движение и пространство для одних субъектов и расширять для других?

Литература:

1. Freud Sigmund. The Unconscious. – London: Hogarth, 1964.
2. Marx Karl. Capital: A Critique of Political Economy. – Harmondsworth: Penguin, 1976.
3. Laplanche Jean, Pontalis Jean-Bernard. The Language of Psychoanalysis. – London: Karnac, 1992.
4. Butler Judith. Bodies That Matter: On the Discursive Limits of «Sex». – New York: Routledge, 1993.

Книга: Теория литературы: Антология, том IV

Лекция: 6. Аффективная экономика

5. Heidegger Martin. Being and Time. – London: SCM Press, 1962.
6. Freud Sigmund. Inhibitions, Symptoms, and Anxiety. – London: Hogarth, 1964.
7. Fanon Frantz. Black Skin, White Masks. – London: Pluto, 1986.